

Глава 6

В комнату бесшумно скользнула фигура в тёмных одеждах. Волосы гости были острижены так коротко, что сквозь них проглядывала кожа. Это была та самая женщина, что прошлой ночью докладывала Цзи Хуайчжэню о происхождении Яньчи.

Влияние семьи Цзи в Великой Ци было безграничным. Цзи Ванься носила корону императрицы и четыре года назад подарила государству наследника — принца А Цюаня. Сам Цзи Хуайчжэнь, будучи дядей императора и Тайфу, давно прибрал к рукам торговлю солью и железом. Их отец, Цзи Тинье, занимал пост канцлера, однако два года назад внезапно заперся в своём поместье, сославшись на болезнь, и почти перестал показываться при дворе.

Поговаривали, что родной сын попросту лишил его власти.

Но больше всего пересудов вызывало детище Великого наставника — Сяоцзиньтай.

Эта организация подчинялась лишь его приказам. За четыре года с момента основания Терраса Тающего Золота подготовила девятнадцать тайных убийств, отправив на тот свет почти полсотни душ. Неверных — карать; вероломных — карать; а тех, кто смел противиться воле Цзи Хуайчжэня, карать беспощадно.

Несмотря на столь вопиющее беззаконие, он крепко держался в своём крестве. Многие считали, что Тайфу — лишь клинок, выставленный на всеобщее обозрение, а вот кто именно сжимает рукоять, все и так прекрасно знали. Иначе куда девалось золото из поместий казнённых сановников? Если бы Цзи Хуайчжэнь набивал только собственные карманы, Терраса не просуществовала бы и дня.

Женщина с коротко стриженными волосами была его доверенным лицом в Сяоцзиньтай, а звали её Бай Сюэ.

— Достала? — спросил он.

— Докладываю, господин: всё у нас. Тот Лян и глазом моргнуть не успел.

Бай Сюэ поставила перед ним на стол плоскую шкатулку из белого фарфора и осторожно развернула кусок ткани. Внутри лежала глиняная печать размером с ладонь. Вдвоём они принялись изучать оставленный Лу Шии императорский указ с пурпурной печатью и подвеской из волчьего зуба.

— Этот клык явно принадлежит северянам, — заметила помощница. — Степные народы почитают бога-волка и часто используют такие зубы как верительные знаки.

Теперь, когда всё было готово, Хуайчжэнь наконец решился. Отложив подвеску, он взломал

печать, и свиток медленно развернулся перед ним.

«Мне нужно во что бы то ни стало узнать содержание этого указа»

Бай Сюэ послушно опустила голову, ожидая дальнейших распоряжений, но время шло, а господин молчал. В недоумении она взглянула на него и увидела, что тот застыл, нахмурившись.

Он мрачно сверлил указ глазами, а затем внезапно издал короткий смешок и отшвырнул свиток на стол.

Бай Сюэ невольно заглянула в текст. Иероглифы были округлыми, тяжёлыми и совершенно непонятными — указ был написан стилем Дачжуань. В самом конце шёл перевод на язык ижунов, но ни того, ни другого Цзи Хуайчжэнь не понимал.

— Надо же, — ядовито усмехнулся он. — Совсем рассудок потерял, а про интриги не забыл. Думал, так меня перехитрит? Перепиши эти знаки, перемешай порядок и раздели на части. Разошли по Фэньчжоу и соседним городам, пусть знатоки переведут.

Бай Сюэ замаялась:

— Господин, на это уйдёт слишком много времени. Боюсь, когда вы вернётесь из Чилэчуань, мы не успеем к началу обсуждения вопроса о переносе столицы.

— Уйдёт и уйдёт, не я здесь больше всех тороплюсь. Я еду лишь для того, чтобы заключить мир с ижунами, пока эти татарские варвары точат ножи. С приходом весны они наверняка перейдут через Три горы Чжэньцзян и двинутся на восток, к самой Гунчжоу. А Гунчжоу — это вотчина тех знатных кланов, что только жалованье проедают. Когда она падёт, сколько городов останется до Шанцзина?

Он пренебрежительно фыркнул, не скрывая своего высокомерия.

«Устоит Гунчжоу или нет — решать мне. Посмотрим, кто занервничает первым. У этих старых упрямецв кишка тонка заводить разговоры о переносе столицы в моё отсутствие»

«У императора свои козыри, но и у меня они найдутся»

Бай Сюэ уже собралась уходить, когда он раздражённо окликнул её:

— Постой. Он сегодня тебя заметил.

Женщина вздрогнула и тут же отозвалась:

— Тогда в следующий раз я буду осторожнее. Может, завтра испытать его снова?

Хуайчжэнь промолчал. Он сидел с закрытыми глазами, погружённый в раздумья. Наконец он отмахнулся от Бай Сюэ, прогоняя её:

— Не нужно. Мальчишка полон искренних чувств к Лу Ши, он здесь не для того, чтобы забрать его жизнь.

Бай Сюэ понимающе хмыкнула. В её взгляде проскользнуло лукавство и едва скрываемое злорадство. Не дожидаясь, пока господин вскипит от гнева и запустит в неё чем-нибудь тяжёлым, она мгновенно исчезла.

Цзи Хуайчжэнь снова уставился на свиток. Лицо его оставалось бесстрастным, но взгляд был тяжёлым. Спустя мгновение он внезапно вспыхнул и одним резким движением смахнул со стола бумагу, тушь и чернильный камень. Этого показалось мало: он со всей силы пнул низкую скамью и, тяжело дыша, хищно оскалился.

Стража у дверей, услышав грохот, замялась в нерешительности, не зная, стоит ли входить. Но тут Цзи Хуайчжэнь спокойно поправил одежды и вышел наружу с таким видом, будто ничего не произошло.

Когда он вернулся в покои, Яньчи уже спал.

Даже во сне юноша оставался настороже: стоило Хуайчжэню толкнуть дверь, как он тут же сел, готовый к действию.

У Тайфу на душе было паршиво, и он не собирался это скрывать. Пройдя прямо в сапогах по расстеленной на полу подстилке, напоминавшей собачью лежанку, он завалился на кровать.

В темноте долго царил молчание. Наконец Яньчи тихо спросил:

— Ты уже спишь?

Хуайчжэнь не ответил. Спустя какое-то время юноша бесшумно поднялся и подошёл к краю кровати. В густом сумраке Цзи Хуайчжэнь не понимал, что тот задумал; инстинкты сработали быстрее разума, и рука сама потянулась к кинжалу под подушкой.

Но в следующую секунду он почувствовал, как с его ног снимают обувь. Яньчи просто решил разуть его.

Этот несносный парень, укрыв его одеялом, и не подумал уходить. Он присел в ногах и обхватил своими широкими ладонями ледяные ступни господина, стараясь согреть их.

Это было старой бедой Хуайчжэня: стоило наступить холодам, как руки и ноги становились словно ледышки. Раньше Саньси заботился о нём безупречно, но сейчас, обременённый множеством дел, Хуайчжэнь совсем забыл об этом ощущении тепла. Когда слуга уехал, он не стал обременять других своими привычками, но этот Яньчи оказался на редкость внимательным.

Жаль только, что всё это внимание предназначалось не ему.

— Когда мы жили в Шанцзине, денег совсем не было, на уголь не хватало. Матушка по ночам вот так же грела мне ноги, пока я спал, — прошептал юноша, зная, что собеседник не спит.

Хуайчжэнь неопределённо хмыкнул, бросив небрежно:

— Зимы в Шанцзине суровые. Хорошо, что спустя семь лет отец всё же забрал вас к себе.

Яньчи не ответил. Он бережно уложил согретье ноги обратно под одеяло и уже собрался вернуться к своему жалкому тряпью на полу, когда Хуайчжэнь произнёс:

— Ложись здесь.

— Это... разве так можно?

— Тогда проваливай и спи на улице.

Послышалось шуршание одежды: Яньчи торопливо скинул лишнее, оставшись в одном халате. Аккуратно пристроив сапоги у изголовья, он залез на кровать и замер рядом с Хуайчжэнем неподвижным бревном.

Семнадцать-восемнадцать лет — самый расцвет мужской силы. Цзи Хуайчжэнь, почуяв живое тепло, без лишних церемоний придвинулся ближе и навалился на юношу. Тот не смел шелухнуться; он лишь неловко приобнял Тайфу, переводя взгляд с потолка на стены, только бы не встречаться глазами с этим лицом.

— Я никогда не бывал в Вэньяне. Чем ты там занимался? Говорят, оттуда до ижунских земель всего одна гора. Ты часто видел северян?

Хуайчжэнь хотел было окольными путями выведать, что такого натворил Лу Ши в Шанцзине, раз этот парень так по нему сохнет, но побоялся выдать себя.

Яньчи покачал головой:

— Ижуны редко забредают к нам. Кони у них быстрые, но по горам ходить не привыкли. Разве что перед зимой, когда еды не хватает, прискачет отряд, угонит скот, заберёт зерно — и только их и видели. В Вэньяне тоже есть где разгуляться: на границе с горами Цаньфу лежат равнины. Раньше матушка там жила, она была знатной пастушкой.

При упоминании о матери голос юноши потеплел.

«Только два года назад, когда я окончательно отгеснил отца от дел, у меня дошли руки до Лу Ши. И тогда вскрылось нечто невероятное: у этого человека, как оказалось, были свои люди в Чилэчуань, и нити тянулись прямиком к ижунам. Именно поэтому для переговоров я пустил в ход все свои таланты, чтобы посеять в императоре зерно сомнения и самому отправиться сюда вместо него»

«Мне нужно во что бы то ни стало узнать, какие дела связывают этого Лу с варварами»

«Что же до этого Яньчи... он лишь забавная игрушка, с которой можно скоротать время в пути»

Цзи Хуайчжэнь с улыбкой посмотрел на него:

— Похоже, ты хорошо знаешь северян. Значит, от тебя будет толк. Тебя зовут Яньчи, а как пишется имя? Как «пруд»? Или как «скакать во весь опор»? Последнее тебе бы очень подошло.

Яньчи тихо ответил:

— Нет, не так. У моего имени не очень хорошее значение. Это «чи» — как в слове «опоздавший». Так меня назвала матушка.

Цзи Хуайчжэнь даже бровью повёл. Он-то думал, парень просто стесняется, а имя-то и впрямь оказалось зловещим.

«Ласточка — птица, возвещающая приход весны, фамилия Янь для неё в самый раз, но добавь к ней "Чи" — "Запоздалая"... Это же всё равно что проклясть собственного сына»

— Тогда я не буду звать тебя Яньчи. Буду звать тебя Сяо Янь.

Он произносил это имя снова и снова, заставляя Яньчи краснеть до ушей. Смущённый юноша

упёрся руками в Хуайчжэня, пытаясь хоть немного отодвинуться. Но Тайфу только вошёл во вкус — дурной характер давал о себе знать.

Чем больше Яньчи смущался, тем сильнее хотелось над ним издеваться. А издеваясь, Хуайчжэнь желал лишь одного: чтобы этот парень полюбил его до беспамятства, чтобы не мог жить без него. А в конце — он, в облике Лу Шии, сбросит маску и растопчет эту преданность.

«Чем сильнее Яньчи сейчас обожает это лицо, тем яростнее он будет его ненавидеть потом»

«Раскрошить в пыль преданное Лу Шии сердце — какая же это будет сладостная месть»

— Почему ты на меня не смотришь? — Хуайчжэнь прикинулся простаком и, припав к груди юноши, принялся нежно его терзать. — Ты ведь говорил, что я тебе очень дорог? Почему же не хочешь быть ближе? Я даже пустил тебя в свою постель, а ты сидишь смирно. В монахи заделался? Или во дворце служил? Решил в святошу поиграть?

— Другие в твои семнадцать уже двоих детей нянчат, а ты, я гляжу, совсем несмышлёный. Что, мать со старшим братом растили тебя как девицу на выданье?

Лу Шии давно был женат и даже успел овдоветь, вот только знал ли об этом этот простак?

Яньчи, охваченный ревностью, пробурчал:

— Ты-то много понимаешь. Едва приехал в Фэньчжоу — и сразу в такое место.

Хуайчжэнь со смехом отчитал его:

— А ты, я смотрю, осмелел, раз смеешь пререкаться.

Удивительно, как тесное пространство за пологом кровати меняет людей. Стоило занавесу опуститься, как внутри воцарилась особая атмосфера, пропитанная ароматами двоих. Здесь любые, даже самые сокровенные и порочные желания казались естественными. Было бы странно, если бы двое влюблённых, оказавшись так близко, остались равнодушны друг к другу.

Эта непривычная близость заставила сердце Яньчи дрогнуть. Он наконец решился взглянуть на Хуайчжэня и уже не смог отвести глаз.

— Ты очень красивый.

Эти слова пришлись Хуайчжэню по душе — по крайней мере, сейчас Яньчи смотрел именно на него. Он лениво приник к груди юноши.

— Продолжай.

Если уж Цзи Хуайчжэнь решал кого-то соблазнить, спасения не было.

Яньчи замолчал. Его дыхание стало тяжёлым и прерывистым. Он заворожённо разглядывал изящные черты лица Хуайчжэня и невольно прижал его к себе, сжимая объятия всё крепче. Они были так близки, что Хуайчжэнь чувствовал жар его тела и напряжение мышц. Собственные желания, долго не находившие выхода, тоже пробудились; он бросил томный взгляд на чётко очерченный кадык юноши.

Его рука скользнула вниз и мягко коснулась живота Яньчи. Дыхание юноши стало совсем невыносимым, хриплым.

«Вся эта ваша любовь и преданность — лишь пустые слова. Стоит немного подразнить — и даже тот, кто не узнаёт лица любимого, готов прыгнуть в постель»

«Искренность — воистину самая дешёвая и никчёмная вещь в этом мире»

Хуайчжэнь торжествовал. Видя, как лицо Яньчи приближается к его лицу, он был уверен, что этой ночью получит всё, что пожелает.

Но когда губы Яньчи были уже в шаге от его губ, парень вдруг словно помешался. Он резко отвернулся, со всей силы ударил кулаком по кровати и, давась воздухом, принялся что-то бессвязно бормотать себе под нос.

Цзи Хуайчжэнь замер в недоумении.

— Ты... ты можешь сначала на мне жениться? — глухо спросил Яньчи, уткнувшись лицом в сгиб локтя.

Хуайчжэнь едва не спихнул его с кровати.

«Жениться? Мечтай больше, идиот»

Раздражённый, он попытался оттащить руку Яньчи, но тот от стыда вцепился в неё мёртвой хваткой. Кожа за ухом у юноши пылала так, будто готова была вот-вот вспыхнуть. В этой недолгой борьбе рукав нижнего халата с треском оторвался.

И тут Цзи Хуайчжэнь замер. На правом запястье Яньчи он увидел маленькую красную точку.

Это пятнышко располагалось в таком знакомом месте, что Хуайчжэнь не мог ошибиться. Когда

у Цзи Ванься начались первые кровотечения, старая нянька, служившая им с детства, прижала её к постели и поставила такую же метку — алую, как капля свежей крови. Сестра тогда рыдала в голос от боли. И лишь после того, как она вошла во дворец и познала мужчину, эта метка исчезла.

Яньчи перестал сопротивляться. Словно предчувствуя вопрос, он с обидой в голосе воскликнул:

— Послушай, всё совсем не так, как ты думаешь!

Лицо Цзи Хуайчжэня исказилось в странной гримасе:

— Что это? Откуда у тебя киноварь целомудрия?

<http://bllate.org/book/15318/1359984>